

Борис РАЦЕР

ИЗ АРХИВОВ СОБСТВЕННОЙ ПАМЯТИ

БЕЗ РАЗНИЦЫ

Далекие застойные годы. В Ленинградском Доме кино встреча кинематографистов с Николаем Павловичем Акимовым, Народным артистом СССР, главным режиссером Театра Комедии, действительным членом Академии художеств и просто интеллигентнейшим и остроумнейшим человеком.

Вопрос из зала:

– Николай Павлович, какая, по-вашему, разница между нынешним положением комедии в кино и в театре?

И моментальный ответ:

– Такая же, как между смертельно раненым и убитым наповал.

БУДЕМ ДЕРЖАТЬСЯ КАК СЕВАСТОПОЛЬ

Первая комедия, которую мы с Константиновым принесли в Театр Комедии, называлась "Любовь без прописки".

– Ну, это не для нашего театра, – сказал Николай Павлович.

С его легкой руки в Ленинграде она называлась "После двенадцати". А на периферии дошлые администраторы сохранили и первое название. Там она называлась: "Любовь без прописки – после двенадцати".

Спасибо Акимову – пьесу сразу же поставили 150 театров.

И столько же критиков обрушили на нее свой критический гнев.

– Как вы думаете, долго ли продержится в вашем театре эта пьеса, Николай Павлович?

И как всегда, моментальный ответ:

– В детстве я был с родителями в Севастопольской панораме и по детской наивности спросил экскурсовода:

– Скажите, – а в честь чего такая грандиозная панорама, ведь Севастополь-то сдали?

– Да, – ответил экскурсовод, – сдали. Но сколько держался!

– Так вот, – сказал критику Акимов, – мы будем держаться как Севастополь.

ВЫ НА ЭТО НЕ ПОЙДЕТЕ

– Молодые люди, – обратился как-то к нам Акимов, – если вы не возражаете, я хотел бы вас нарисовать.

Мы не возражали.

При жизни Акимова этот портрет висел в его кабинете, и каждый раз, попадая туда, мы канючили в два голоса:

– Николай Павлович, ну как нам его получить?

– Друзей не продаю, – тут же закрывал тему Акимов.

Но мы приставали к нему опять и опять. И вот однажды, когда терпение его лопнуло, он посмотрел на нас с ехидной улыбочкой и сказал:

– Молодые актрисы, которых я рисовал, знали, как получить свои портреты, но вы же на это не пойдете.

КТО ГЛАВНЫЙ?

Зиновий Соломонович Бахрах был в Театре Комедии администратором. Вроде бы, не велика шишка, но когда каждый вечер к нему стоит хвост за контрамарками, а у театра толпы жаждущих кланчат лишний билетик, то сами понимаете...

И вот однажды, когда мы сидели у Акимова в кабинете, он вдруг вспомнил, что через десять минут должен быть на каком-то заседании.

– Зиновий Соломонович, – обратился он к Бахраху по телефону, – вызовите мне, пожалуйста, такси – страшно опаздываю.

Не прошло и минуты, как Бахрах появился у него в кабинете.

– Такси у театра, Николай Павлович!

– Спасибо! – уже в дверях поблагодарил его Акимов.

– Одну минуточку, Николай Павлович, – задержал его Бахрах, – если таксист спросит вашу фамилию, скажите, что вы Бахрах.

– Конечно, конечно, – успокоил его Акимов, а нам сказал шепотком: "Теперь поняли – кто в театре главный?"

ПРОВЕРКА НА ЮМОР

Встречаем в Москве Иосифа Прута.

– О, меня вам сам Бог послал! Хотите познакомиться со Светловым? Мы договорились с ним пообедать в "Метрополе".

И вот мы сидим за столиком со знаменитым поэтом и драматургом.

– Спасибо, коллеги, что пришли – не побрезговали стариком. Ну, со знакомством! А теперь, пока еще в ясном уме, мне очень нужен ваш совет – как драматургов драматургу. Пишу тут одну пьесу, все придумал, но в одном месте застопорило и ни тпру – ни ну. Так поможете?..

Боже мой! Сам Светлов нуждается в нашем совете!.. Мы были на седьмом, нет – на десятом небе!

– Конечно, поможем! – Михаил Аркадьевич.

– Спасибо... Так вот, сюжет там такой: два тяжелых танка – наш и немецкий, встречаются весной в чистом поле. Война войной, но кому умирать хочется, когда травка зеленеет, солнышко блестит, птички поют и цветочки распускаются?.. И вот глушат танкисты моторы, спрыгивают на травку, снимают шлемы, нюхают цветочки и угощают друг-друга куревом... Ну, как – интересно?

– Очень! Такого еще не было!

– Боюсь, что и не будет, если вы мне не поможете. На вас вся надежда! Уже месяц не могу придумать, как, черт возьми, эти два танка на сцену вывезти?

Не знаю, как бы отреагировали на светловскую шутку другие драматурги, а мы – сначала засмеялись, а потом стали хохотать. Причем, как вы понимаете, над самими собой, да так, что зазвенели бокалы.

И правильно сделали: каждого нового знакомого Светлов проверял, прежде всего, на юмор. И мы эту проверку выдержали.

Со второй проверкой было несколько хуже. Думаю, вы догадались с какой.

СВЕТЛОВСКИЕ ПЕРЛЫ

В ЦДЛ (Центральном Доме Литераторов) чествовали одного плохого поэта, но хорошего общественника. А так как начинал он свой поэтический путь на берегах Невы, то, встретив нас в писательском Доме, попросил поздравить его от имени ленинградских собратьев по перу.

– Да у нас даже цветов нет, – попробовали увильнуть мы.

– Ничего, моя секретарша даст вам за кулисами, а пока идите в зал и ждите – вас вызовут.

Как понимаете – деваться было некуда.

Сидим, ждем...

И вдруг, как потом выяснилось, совершенно случайно, направляясь в ресторан, в зал заглянул Михаил Аркадьевич.

Как раз в тот момент, когда штатный литературовед знакомил присутствующих с биографией поэта.

– И что примечательно, – сказал он, – что наш юбиляр родился в день смерти Сергея Есенина.

– Да, – вздохнул Светлов, – беда никогда не приходит одна. И пошел в ресторан.

"НЕКИЙ ХАЗИН"

Известный ленинградский писатель-сатирик Александр Абрамович Хазин попал в печально знаменитое постановление ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград", где был назван "неким Хазиным". Заклейменный и разоблаченный главным партийный идеологом А.А.Ждановым, он был отлучен от литературы и вынужден был многие годы писать под псевдонимом, чтобы не раздражать бдительных чиновников от культуры. Но даже и скрывшегося под чужой фамилией Хазина, они всячески старались не допустить на печатные страницы.

И вот однажды, в одном тонком журнале (к толстым его и близко не подпускали) один сверхбдительный редактор потребовал от Хазина 20 исправлений в небольшом, всего из 16 строк стихотворном фельетоне, в надежде, что автор не согласится и заберет его.

– Понимаете, – сказал редактор, – мне хочется его напечатать, но для этого он должен удовлетворить и главного редактора, и его зама, и всю редколлегию.

– Понимаю, – усмехнулся Александр Абрамович, – только хочу заметить, что есть всего один костюм, который был бы впору и толстому и тонкому, и длинному и короткому. Но это – саван!

Горжусь тем, что рекомендацию о приеме в Союз писателей дал мне "некий Хазин".

ИЗВИНИТЕ, МИСТЕР ВЛАДИМИРОВ

Ленинградские драматурги и театральные деятели принимают в Доме писателей гостей из Америки – драматургов, режиссеров, критиков. Они уже походили по ленинградским театрам и жаждут поделиться впечатлениями.

– Скажите, а почему у вас в театрах так мало американских пьес?

– А потому что нашего зрителя ваши проблемы и темы абсолютно не интересуют, – отвечает известному американскому драматургу наш известный актер и режиссер Игорь Владимиров. – Недавно один переводчик принес мне нашумевшую у вас пьесу о жизни лесбиянок. Скажите, кому у нас нужна эта пьеса, если в Ленинграде, как мне известно, есть всего одна лесбиянка?

– Извините, мистер Владимиров, – возразил ему американец, – но если есть одна лесбиянка, то обязательно должна быть и вторая.

ПИРОВА ПОБЕДА

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького в Москве. Зеленый театр. Премьера новой программы эстрадного оркестра Эдди Рознера.

Мы с соавтором пишем интермедии для ведущих – Мирова и Новицкого.

К программе пристальное внимание Министерства культуры. Дана установка – безо всякой "американщины".

Докажите, товарищ Рознер, что наш джаз может обойтись без западных шлягеров! Свои напишем!

И написали... О дружбе, о трудовой доблести, о борьбе за мир.

Самой джазовой была песня Долуханяна "Ой, ты рожь, рожь высокая".

Не дождавшись антракта, публика стала уходить. А надеявшееся все-таки услышать знаменитые рознеровские шлягеры: "Караван", "Вишневый сад" и другие, стали хором кричать: "Эй, Рознер, джаз давай!"

В антракте за кулисы зашел Александр Александрович Холодилин – начальник всех музыкальных учреждений России.

– Поздравляю, Эдди Игнатьевич! Вы одержали победу над кучкой отравленной Западом молодежи.

На что Эдди Игнатьевич, с присущим ему польским акцентом, мрачно сказал :

– Еще один такой побед и у меня не будет публикум.

ВЫСШИЙ КЛАСС

Дом Актера в Москве до пожара, то есть еще на улице Горького, то есть еще до перестройки.

Ленинградский Дом Актера привез в Московский свой капустник. Нас как авторов, режиссер Александр Белинский взял с

собой – а вдруг надо будет что-то написать на ходу, на злобу дня.

В зале вся театральная элита.

Директор Дома Актера Эскин аж взмок. Попробуйте-ка рассадить всех народных, заслуженных и просто талантливых, чтоб не было обид на всю оставшуюся жизнь?

Но вот, наконец, все рассажены по чинам, званиям и талантам.

В зале гаснет свет и на сцену выходит ведущий капустника, известный Питерский острослов – Владимир Дорошев. Но начать свой вступительный монолог он не может – писатель-юморист Виктор Ардов никак не может добраться до своего кресла.

Дорошев терпеливо ждет.

– Говорите, говорите,– острит писатель,– вы мне не мешаете.

И тут Дорошев заговорил.

– Это фатально, когда писатель столько времени не может найти свое место.

Зал смеется.

– Моя школа,– показывая на актера рукой, говорит Ардов. Зал снова смеется.

И тут Дорошев "прикладывает" его:

– В юморе важна не школа, а класс!

Зал взрывается аплодисментами.

Дорошев победил.

ВПЕРВЫЕ СКАЗАННОЕ СЛОВО

Кажется, совсем недавно услышал я в телефонной трубке ни с чьим другим несравнимый голос Георгия Александровича Товстоногова.

– Сегодня прочел на семейном худсовете вашу "Хануму". Имел большой успех. Буду ставить.

А в этот "семейный худсовет" входили – Нателла Александровна – сестра Товстоногова, артист Евгений Алексеевич Лебедев – ее муж и кавалер всех артистических регалий, Леша – их сын – будущий кинорежиссер и Александр (по-грузински Сандро) – сын Георгия Александровича – молодой и принимающий все в штыки режиссер.

С тех пор прошло уже страшно сказать сколько... Нет с нами Ефима Захаровича Копеляна, Владислава Игнатьевича Стржельчика, Вадима Медведева, Валентины Ковель, блестяще игравших в этом спектакле и очень любивших его. Нет Товстоногова...

Через несколько месяцев после того памятного звонка была премьера и, конечно, банкет. Потом – пятидесятый спектакль. И снова банкет. Затем – сотый! Тут уж банкет обязательно. Такова

театральная традиция.

Перед этим банкетом Георгий Александрович отвел меня в сторону от накрытого в фойе стола.

– Я чувствую, что этот спектакль будет у нас долгожителем, поэтому боюсь, что вы разоритесь на банкетах. В связи с этим хочу оказать вам финансовую помощь.

– Да что вы, Георгий Александрович!

– А что – у меня тоже неплохие банкетные данные. Могу быть вашим спонсором.

Так впервые я услышал намозолившее теперь уши слово.

ДВОЙНАЯ ПЕРЕСТРАХОВКА

В преддверии обещанного Хрущевым коммунизма, кому-то наверху стукнуло в голову, что мы уже доросли до того, что можем перевоспитывать преступников не в тюрьмах и лагерях, а в собственных здоровых коллективах.

И понеслось...

Вместо того, чтобы брать хулиганов, дебоширов и алкашей за шкуру и отдавать под суд – их отдавали коллективу, который брал их на поруки.

Естественно, что юмористы, работавшие по принципу – "утром в газете, вечером в куплете", не могли не откликнуться на этот беспримерный почин.

Как раз в это время мы писали для Центрального телевидения то, что теперь называется "шоу", а тогда называлось эстрадным концертом. И была в этом концерте сцена, где одного хулигана-алкаша брали на поруки. Причем только для того, чтобы рапортовать в вышестоящие организации, как это зачастую и делалось.

Главному редактору телевидения Иванову эта сцена показалась подозрительной.

– Газеты читают не все, – сказал он, – а телевидение смотрит весь наш народ. И какие-нибудь отдельные товарищи после вашей сцены могут подумать, что у нас для пьяниц и хулиганов уже тюрем не хватает – поэтому и стали отдавать их на поруки. В общем, нам с вами надо подстраховаться.

Так как мы от страховки отказались, то подстраховался он сам, без нас.

А выглядело это так:

В конце сцены, когда коллектив взял на поруки вконец распоясавшегося хулигана, ведущий концерта читал по бумажке текст, написанный главным редактором: "Из тех немногих, что взяли на поруки, многие уже исправились".

Получилась, как видите, даже двойная страховка.

Конечно, оставлять на должности редактора такого человека вышестоящие начальники не могли – он стал руководить всем телевидением.

БАЛ В КРЕМЛЕ

Как известно, Леонид Ильич Брежнев обожал получать ордена и медали. Даже после его смерти ходил в народе такой анекдот: попав на тот свет, Леонид Ильич первым делом попросил Господа наградить его еще одной "Золотой Звездой".

– Как же я могу тебя наградить, когда ты – покойник? – развел руками Господь.

– А посмертно, – надоумил его Леонид Ильич.

Но что он любил больше всего – это появляться при всех своих наградах на людях.

Очевидно для этой цели и придуманы были ежегодные молодежные балы в Кремле.

По специально написанному сценарию бал начинался с вальса. Под его начальные аккорды открывалась дверь в Георгиевский зал и перед ликом передовой советской молодежи являлись вдохновители и организаторы всех ее побед: члены правительства и политбюро во главе с Первым, надевшим из скромности не все ордена, а только до пояса.

Для сочинения вальса был объявлен закрытый конкурс. Победили в нем композитор Носов и поэт Фогельсон, тот самый, что написал с Соловьевым-Седым "Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, скажем прямо, делать нечего" и другие шлягеры того времени. Вальс так и назывался – "Бал в Кремле".

Носов и Фогельсон ходили именинниками – не было дня, чтобы по радио или по телеку не звучал их премированный вальс.

Но вот однажды, встречаю на Невском Фогельсона.

– В чем дело, Соломон Борисович, почему последнее время вашего вальса не слышно?

– Ай, не спрашивайте! Все из-за Сулова! Ему, видите ли, две строчки не понравились. Он, видите ли, нашел в них сексуальный подтекст.

– И какие же это строчки?

– Вот эти, – вздохнул поэт: "Члены правительства гордо стоят и, улыбаясь, глядят", ну и где же тут секс?

Да, немало крови попортил Андрей Александрович Сулов деятелям литературы и искусства, но тут мне кажется, он был прав: вальс был запрещен и члены правительства больше на ба-

лах не стояли. И не только на балах. Средний возраст наших руководителей был в то время около восьмидесяти лет, так что – какой уж тут секс?..

КАК ШИРВИНДТ ВСЕХ НАКОРМИЛ

Что Александр Ширвиндт (между друзьями – Шура) остроумный человек – знают многие.

Будучи академиком так называемой "Академии Авторитетов", решающей кому давать "Золотого Остапа", а кому – нет, я имел возможность слышать остроумные ширвиндтовские экспромты, так сказать, из первых рук.

Каждое ежегодное вручение этой престижной для сатириков и юмористов премии, кончалось банкетом академиков, где председательствовал "Почетный президент Академии Авторитетов" – Александр Ширвиндт.

По части застольного юмора ему не было равных, а ведь за столом юморили и Жванецкий, и Якубович, и Хазанов, и Альтов, и Шифрин.

Но, хорошо остричь на сытый желудок, а если на голодный?..

Однажды капустная бригада Московского Дома Актера, возглавляемая опять же Ширвиндтом, привезла в Ленинград свой новый спектакль.

Представление закончилось в одиннадцать. До "Стрелы" оставался час. Не так много, но поесть можно еще успеть. Мы повели проголодавшихся гостей в актерский ресторан, но, увы, – во-первых, этот день был "рыбным", а во-вторых, еще и "санитарным".

С трудом разыскали одного официанта. К счастью он оказался поклонником Ширвиндта и Державина, поэтому через минут двадцать на столе появилась ржавая селедка и холодная в траурной окантовке картошка.

– Извините, но шеф сказал, что это все что есть, – смущенно оправдывался официант.

Голодные артисты были в шоке. Какой уж здесь юмор?..

И тут Шура, попыхивающий своей трубкой, поманил официанта пальцем и шепотом, но таким, чтоб все слышали, сказал ему на ухо:

– Пойдите на кухню и скажите шефу, что блокада уже снята. Очевидно, он еще не знает об этом.

На мрачных актерских лицах вновь засияли улыбки, а не понявший юмора официант помчался на кухню.

Не знаю, что он там сказал шефу, но через пять минут на столе

появилась и ветчина, и колбаса, и шпроты, и даже свежие огурчики. А главное то, без чего не бывает дружеского застолья.

И первый тост был, конечно, за Шуру.

ЧЕСТНО ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

Композитор Соловьев-Седой был очень любознательным и любопытным человеком. Очевидно поэтому, он быстрее всех решал самые трудные кроссворды, сожалея о том, что из-за своей двойной фамилии не может попасть ни в один кроссворд.

Из-за его чрезмерного любопытства влипли мы однажды в историю.

Ездили мы с Василием Павловичем в Москву сдавать в Министерство новую оперетту. Сдали. Скромно отметили и отправились на Ленинградский вокзал. Взяли билеты и вышли на перрон.

До отправления ленинградского поезда оставалось еще полчаса.

– Прогуляемся,– сказал Василий Павлович,– очень хочется посмотреть, как устроен электровоз.

Машинисты сразу же узнали знаменитого автора "Вечера на рейде", "Подмосковных вечеров", "Первым делом самолеты" и множества других. И конечно не могли отказать ему в просьбе подняться в электровоз и наглядно объяснить что к чему.

Мы не были такими любопытными и остались ждать его на перроне. Да нас никто и не приглашал.

И вот до отхода поезда остается уже пять минут, а Василий Павлович все не выходит. Как потом выяснилось, он твердо сказал машинистам, что поедет с ними в электровозе.

– Нельзя, Василий Павлович, по инструкции не положено.

– А я чихал на вашу инструкцию!

Ну что тут будешь делать?! Не возьмешь же под белы руки и силком с лестницы? Ведь не простой гражданин, а Народный артист СССР, герой Соцтруда, лауреат и депутат Верховного Совета.

Только с помощью четырех проводников, дежурного по вокзалу и нас с соавтором удалось, наконец, это сделать.

"Стрела" в этот день ушла из Москвы на 10 минут позже, чего никогда еще с ней не бывало.

Перед тем как подняться в свой вагон, Василий Павлович обернулся к сопровождавшим его лицам и, поправив вечно сползавшие с носа очки, сказал:

– Никогда в жизни не буду писать песен о советских железнодорожниках!

И не написал.

Больше всего Василий Павлович ценил в людях юмор. За хорошую остроту платил рубль. Такая у нас была такса. Но получить с него деньги было нелегко. Остроты должны были быть очень высокого класса.

И все же, иногда мне это удавалось.

Чтобы закончить в срок одну большую работу, мы решили, никому ничего не сказав, уехать в Репино, в "Дом творчества композиторов". Но наше творческое уединение продолжалось недолго. Уже на следующий день в нашем коттедже появилась одна известная эстрадная певица. Василий Павлович признался, что ей единственной оставил свои координаты.

– У меня скоро творческий вечер в Москве и нам надо кое-что порепетировать .

Она приезжала к нему через день.

Оставляя их наедине для творческого процесса, мы ходили вокруг коттеджа и в который раз слушали уже осточертевшие нам "Подмосковные вечера". Других песен они не пели. Да и эту, слава Богу, пели не очень долго. Минут десять. После чего наступала получасовая пауза. А после паузы певица выпархивала из коттеджа и что-то напевая, быстро шла к автобусной остановке.

Через некоторое время в дверях появлялся и Василий Павлович.

– Ну как мы сегодня пели?

– Здорово!– обычно отвечали мы. Только вот что странно,— добавил я как-то раз,— когда вы вдвоем, она поет: "Если б знали вы, как мне дороги...", а когда выходит от вас, поет: "Если бы парни всей земли..."

Василий Павлович тут же достал из кармана рубль.

СОВЕТ СМОКТУНОВСКОГО

Известный ленинградский актер и режиссер Юлий Панич решил сделать из моей пьесы "Еврейское счастье" радиоспектакль для "Свободы", вещавшей тогда еще из Мюнхена.

На главную роль Панич пригласил Иннокентия Михайловича Смоктуновского, что дало мне возможность познакомиться с этим гениальным актером и интереснейшим человеком. У нас появилась общая тема для разговоров – будущий спектакль и его герой – Мендель Маранц – мастер на все руки, неунывающий весельчак и философ.

– Мне нравится, как вы его выписали, но хотелось бы, если

конечно вы с этим согласитесь, добавить ему таких мудрых мыслей, как бы подсказанных самой жизнью.

Конечно, я согласился и через некоторое время принес Иннокентию Михайловичу с десятков, подсказанных мне собственным жизненным опытом мыслей.

Смоктуновский внимательно их прочел и на некоторых даже улыбался.

Вот несколько из них:

– К собственной славе можно со временем привыкнуть, к чужой – никогда.

– И неприятности бывают приятными, если они не у тебя.

– Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым и плача – с будущим.

– Любителей наставлять на путь истинный куда больше, чем идти по нему.

– Чем больше глупостей сделаешь в молодости, тем меньше их останется сделать в старости.

– Все люди смертны, даже вечно живые.

– Мир – это большой сумасшедший дом, в котором каждый возомнил себя человеком.

– Самое сильное, что есть в человеке – это его слабости.

– Теоретически, быть бедным – плохо, а практически – еще хуже.

– Рыба гниет с головы, а государство – с главы.

– Говорят, евреи споили русский народ. Чушь! Не такие они дураки, чтоб не знать, что все погромы начинаются спяну.

...К сожалению, я со своими мыслями опоздал. Так получилось, что спектакль записали раньше намеченного срока. Конечно, было обидно.

– Ничего, хорошие мысли не пропадут, – успокоил меня Смоктуновский и дал мне бесценный совет: "Не принимайте ничего близко к сердцу, даже валидол".

Увы, сам он этим советом не пользовался. Вскоре его не стало.

А я, с его легкой руки, написал книгу: "Афонаризмы или мысли от фонаря", в которую вошли и эти и многие другие мысли.